
Галин Тиханов

Густав Шпет в зеркале Георгия Флоровского (1922—1959)

Эта краткая статья задумана как часть исследования восприятия и воздействия работ Густава Шпета в среде русских мыслителей-эмигрантов после 1917 г. Выбор сюжета исследования определяется продолжительным интересом Георгия Флоровского (продолжавшимся более 30 лет) к сочинениям Шпета и тем фактом, что исследователи творчества Шпета, видимо, остаются в неведении о рецензиях Флоровского на две книги Шпета, посвященные истории русской мысли. (Эти рецензии не были включены в библиографию работ о Шпете, составленную И. Л. Беленьким (см.: Беленький 1992) и не обсуждались в литературе о Шпете.) Рассмотрение этих откликов Флоровского дает мне возможность также пролить дополнительный свет на два ранее недостаточно изученных момента в биографии Шпета (каковы планы его высылки в 1922 г. и его якобы состоявшаяся встреча с Освальдом Шпенглером).

Согласно существующим биографическим очеркам (см., напр.: Поливанов 1992, 19; Щедрина 2004, 244; Мясников 2002, 9), Шпет сам едва избежал вынужденной эмиграции. Он был внесен в список будущих изгнанников, но сумел остаться — вероятнее всего, благодаря вмешательству Луначарского (Мясников 2002, 9). Одно косвенное

свидетельство подкрепляет утверждение, что в 1922 г. власти были готовы выслать ученика Гуссерля: 2 сентября 1922 г. выходящая в Берлине эмигрантская газета «Руль» сообщила, что Шпет был арестован 16 августа 1922 г. вместе со всем Бердяевским кружком (указано в: Артизов 2008, 589–590). Действительно, в то время многие выдающиеся русские интеллектуалы были арестованы и затем насильственно высланы. Но касательно Шпета ни один другой источник до сих пор не подтверждает эту информацию, и кроме того Шпет не воспринимался его современниками как ценитель философии Бердяева (напротив, М. К. Поливанов говорит об ироническом отношении Шпета к Бердяеву, которого он иногда называл «Белибердяевым», см.: Поливанов 1992, 18). Как бы то ни было, Шпет имел возможность остаться в стране, но больше никогда не имел возможности покинуть ее. Анкета, заполненная Шпетом в апреле 1925 г., показывает, что заграничные поездки он предпринял только в 1910, 1911, 1912 и 1914 г. (Марцинковская 2000, 19). Таким образом, крайне маловероятно, что он посетил Освальда Шпенглера в 1921 г., вопреки тому, что иногда утверждают¹. Переписка Шпета (его письмо к Гуссерлю от 10 июня 1918 и письмо Софии Львовны Шатенштейн-Вейцман к Шпету от 28 июля 1922) ясно дает почувствовать его оторванность от позднейших результатов развития гуссерлевской феноменологии (см.

¹ Рассуждая о том, знал ли Шпенглер книгу Данилевского «Россия и Европа», Сорокин пишет: «Профессор Шпет из Московского университета, который побывал у Шпенглера в 1921 г., рассказал мне, что видел тогда книгу Данилевского в библиотеке Шпенглера» (Sорокин 1950, 329). Или это был не Густав Шпет (Сорокин пишет фамилию как «Spet»), или Сорокина в данном случае подводит память. Не упоминая Сорокина в качестве источника, Светлана Семенова повторяет это утверждение: «Между прочим, Шпенглер знал русский язык, и в его библиотеке хранился экземпляр русского издания «России и Европы» — свидетельство философа Г. Шпета» (Семенова 2004, 299 прим. 4).

Schuhmann 1994, 542–43; Чубаров 1992, 256) и может служить поэтому надежным подтверждением того факта, что после 1914 г. он не выезжал за границу.

И все же идеи Шпета продолжали распространяться и усваиваться за рубежом русскими эмигрантами, хотя и замалчивались на родине². Георгий Флоровский (1893–1979), родившийся в Одессе и в 1920-х гг. живший в изгнании (сначала в Софии, позже в Праге, а затем в Париже), проанализировал работы Шпета по истории русской философии в двух рецензиях, которые, как я упомянул выше, надолго остались неизвестными исследователям творчества Шпета. В первой из этих двух рецензий (Флоровский 1922), написанной 11 июля 1922 г., Флоровский обратил внимание на книгу о Герцене, опубликованную Шпетом в 1921 г. Флоровский сам работал в то время над магистерской диссертацией о Герцене³ и был огорчен

² Мне удалось найти только одну ссылку на работу Шпета в советских печатных дискуссиях (за исключением тех редких случаев, когда его публикации просто включались в справочный аппарат других публикаций) за все время между 1937 г. (год смерти Шпета) и 1970 г. (когда Валентин Асмус опубликовал краткую заметку о нем в 5 томе «Философской энциклопедии»): в 1942 г. Марк Митин, один из сталинских придворных философов, обратил внимание на работу Шпета в качестве историка русской философии, заклеив его как «реакционного историка развития философской мысли в России»: «Глубоко неправы поэтому реакционные историки развития философской мысли в России (Лапшин, Яковенко, Шпет, Радлов), которые считали, что русская философская мысль всегда находилась в полной зависимости от западной, которые ошибочно освещали эту историю в том духе, что русские мыслители являются только «переписчиками» западноевропейских философских систем, что они являются лишь учениками, эпигонами мыслителей Запада» (Митин 1943, 4).

³ Об утерянной диссертации Флоровского (озаглавленной «Историческая философия Герцена» и защищенной в июне 1923 г. в Праге), о его попытке опубликовать ее в переработанной форме в виде книги (под заглавием «Духовный путь Грецена») и о частях

общим подходом Шпета. Главное положение его критики заключается в том, что Шпет смотрит на Герцена «свысока», поскольку хочет найти у него чисто философское мировоззрение. Однако Герцен, доказывает Флоровский, по существу не был философом, и все, что он писал, было обусловлено историей и конкретными сиюминутными задачами. Так что методологически Шпет допустил промах (229), потому что не стал обсуждать Герцена с учетом его конкретных биографических обстоятельств и общественных устремлений, как и истории русской мысли XIX столетия. Второе возражение, высказываемое Флоровским, заключается в том, что Шпет недостаточно учитывает «романтический контекст» творчества Герцена. Романтические идеи, полагает Флоровский, носились в воздухе, они формировали общий идеологический климат во времена Герцена, и поэтому бесполезно возводить философию действия Герцена к некоему конкретному источнику (как то Август Цешковский). Хотя Флоровский приписывает Шпету заслугу развенчания мифа о близости Герцена к Фейербаху, он уверен — и это его третье принципиальное разногласие со Шпетом — что Шпет переоценил гегельянство Герцена. Герцен жил и действовал с проблемами своего времени в душе, и в этом смысле он действительно «принимал» действительность, но не «оправдывал» ее и не считал ее полностью разумной; он был ведом устойчивым комплексом общественных идеалов, и его конечной целью было улучшение общества. Здесь противоречие в основании мировоззрения Герцена: он отчаянно пытался преодолеть всякое проявление дуализма, всякую форму «Jenseits» (231), однако не сумел сделать это, поскольку был исполнен искренней веры в «должное, лучшее, совершенное, идеальное» (231). Как раз этот трагизм мысли Герцена

ее, которые ему, в конечном счете, удалось поместить в журналах «Современные записки» и «Orient und Occident», см.: Blane 1993, 43–44; Колеров 1997, 245–257; и Янцен 2007, 477, 490–491, 531.

(вытекающий из его восприимчивости к романтическим установкам) Шпет совершенно не уловил.

Еще более резкую критику Флоровского навлекла на себя первая и единственная появившаяся часть «Очерка развития русской философии» (1922). В своих возражениях, высказанных в обзорной статье, где обсуждались книги Ершова, Шпета и Бориса Яковенко⁴, Флоровский докапывается до корней, касаясь самих оснований исследования Шпета: он сожалеет о попытке Шпета отделить историю философии в России от истории русской культуры и религии. После подспудной критики решимости Шпета найти почву для примирения с пролетарской революцией Флоровский обвиняет его в «циническом скепсисе» (426) по отношению к русской философии. Западнической тенденции у Шпета Флоровский противопоставляет убежденность в том, что философия и культура (что подразумевает и религию) неразрывно связаны в истории народа. Шпет хочет проследить долгую предварительную историю того, что, как он полагал, станет философией лишь весьма поздно, когда русские мыслители наконец преодолеют обычай жертвовать мыслью ради задач, продиктованных религией или политикой; Флоровский же твердо уверен, что такой подход лучше всего охарактеризовать как «воинствующий секуляризм» (427), неспособный постичь «русскую загадку» и приносящий уникальность русской мысли на алтарь западного умствования. Для того чтобы разгадать «русскую загадку», нужно принять во внимание все обнаружения русской идеи, а не только художочную ученую традицию, следовавшую западному образцу непредвзятого изучения. Здесь существенны два уточнения. Во-первых, Флоровский отрицает оригинальность Шпета

⁴ См. обзор Флоровского, написанный в июне–сентябре 1923 г. (Флоровский 1923); об «Очерке развития русской философии» Шпета см. в указанном издании с. 425–431. Далее ссылки на страницы обзора приводятся в скобках в основном тексте.

в отношении его открытия, что русская история не прошла собственно стадии Ренессанса. Иван Киреевский, справедливо указывает Флоровский, задолго до Шпета заметил, что особенности развития России привели к тому, что наследие греческой и римской античности оставалось здесь не востребованным сравнительно очень долго (если оно вообще было востребовано). Во-вторых, Флоровский горячо восстает против шпетовского умаления роли свв. Кирилла и Мефодия и их учеников в переводе основных церковных книг, которые в итоге были получены Русью на церковнославянском (старославянском) языке, а не на греческом или латинском. Шпет видел в этом объяснение философской отсталости России: отсутствие прямого контакта с греческим и латинским языками как средствами богословской рефлексии обедняло русскую мысль и лишало ее инструментов, необходимых дляковки и оттачивания отвлеченного языка философии (Шпет 1922, 12–13). В отличие от Шпета, Флоровский придавал большое значение переводу как обогащающему фактору, который дал возможность русской философии и религиозной мысли сформировать свои понятия в диалоге с множеством языков, включая (каждый в свое время) греческий, латинский, немецкий и французский. Русская культура, полагает Флоровский, есть культура перекрестного оплодотворения, соединившая «православную Византию и латино-протестантский Запад» (Флоровский 1923, 431). В своем главном труде по истории русской мысли («Пути русского богословия», 1937) Флоровский повторил свою критику в адрес Шпета, дополнив именем Георгия Федотова ряд тех, кто утверждал, что нищета русской философии уходит корнями в принятие церковнославянского как языка богослужебной практики и богословских споров (Florovsky 1979, 6, 273 n. 22)⁵. Фактически (хотя Федор

⁵ Среди эмигрантов подобного подхода придерживался Чижевский; хотя он был гораздо более благожелателен в своем обзоре

Степун говорит об обратном⁶) Федотов раньше Шпета высказал обеспокоенность будто бы пагубным влиянием славянских переводов. Уже в 1918 г. он сделал следующий вывод в статье «Мысли по поводу Брестского мира»: «Итак, славянская речь, т. е. разрыв со вселенской мыслью, объясняет, так сказать, абсолютную нищету нашу» (Федотов 1988, 14). Он заключил о существовании прямой связи между «славянской Библией» и Брестским мирным договором, т. е. гибелью России (Там же, 12). В 1927 г. Федотов (под псевдонимом «Е. Богданов») повторил это свое стенограммное в статье «Трагедия интеллигенции» (Федотов 1927), прочитанной Степуном, который в результате подумал — ошибочно — будто Шпет первым выразил эту обеспокоенность.

Ясно видно, что Флоровский, сам христианский мыслитель, был весьма нетерпим по отношению к лежащему в основании труда Шпета видению развития русской философии как процесса запоздалого освобождения от целей и правил социально-заряженного, религиозно-фундированного дискурса. Правда, Шпет находился в шатком положении в Советской России после революции: не будучи ни религиозным мыслителем, ни марксистом, он упорно оставался приверженцем западного рационализма и самодостаточности философии. Этим он не снискал восхищения у Флоровского в 1920–30-х гг. Лишь в конце 1950-х гг. Флоровский вновь обратился к творчеству Шпета — и без чувства враждебности. Освободившийся

шпетовского «Очерка...», он тоже обвинил Шпета в пренебрежении искусством, литературой и общественным дискурсом как областями, где философия могла найти себе дело и проявить себя с равной силой (см.: Чижевский 1923, 457).

⁶ См.: Степун 2000, 588. Неточное утверждение Степуна о том, что Шпет первым привлек внимание к значению славянских переводов богослужебных книг, повторяет Владимир Кантор (Кантор 2008, 13–14). Статья Степуна впервые была опубликована на немецком языке в его книге «Der Bolschewismus und die christliche Existenz» (Munich, 1959).

от необходимости полемизировать со Шпетом по щекотливому вопросу о мере оригинальности или зависимости русской философии, Флоровский, размышляя о том, что он назвал «затруднениями историка-христианина», похвалил Шпета за продвижение герменевтики как «самой сути ремесла историка» (Флоровский 1959, 682 и прим. ***) и прямо цитировал его статью «История как предмет логики» (1922). Таким образом, полстолетия спустя после уничтожающей критики шпетовской реконструкции развития русской философии Флоровский наконец искал и находил общий язык с последним — и вместе с тем самым радикальным — западником в истории русской мысли XX века.

Перевод с английского И. В. Борисовой

Литература

- Blane, A. 1993.* — A Sketch of the Life of Georges Florovsky // Georges Florovsky: Russian Intellectual and Orthodox Churchman / Ed. A. Blane. Crestwood, NY. P. 11–217.
- Florovsky, G. 1979.* — Ways of Russian Theology. Part One / Trans. R. L. Nichols. Belmont, Mass. [Цит. по англ. изданию, так как упоминаемая в статье сноска в русском издании отсутствует — *Прим. пер.*].
- Schuhmann, K. 1994.* — Edmund Husserl Briefwechsel. Bd. 3. Die Göttinger Schule / Eds. K. Schuhmann, E. Schuhmann. Dordrecht.
- Sorokin, P. 1950.* — Social Philosophies of an Age of Crisis. Boston.
- Артизов, А. Н. 2008.* — «Очистим Россию надолго...»: Репрессии против инакомыслящих, конец 1921 — начало 1923 г.: Документы / Под ред. А. Н. Артизова и др. М.
- Бельский, И. Л. 1992.* — Из литературы о Шпете // Начала. № 1. С. 92–93.
- Кантор, В. К. 2008.* — Густав Шпет как историк русской философии // Г. Шпет. Очерк развития русской философии. 1 / Ред. Т. Г. Щедрина. М. С. 5–34.

- Колеров, М. А.* 1997. — Утраченная диссертация Флоровского // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1997 г. СПб. С. 245–257.
- Марцинковская, Т. Д.* 2000. — Густав Густавович Шпет. Архивные материалы. Воспоминания. Статьи / Ред. Т. Д. Марцинковская. М.
- Митин, М. Б.* 1943. — Философская наука в СССР за 25 лет. Доклад, прочитанный на сессии Академии наук СССР. 18 ноября 1942 г. М.
- Мясников, В. С.* 2002. — Густав Шпет: Труды и годы // Г. Шпет. История как проблема логики / Ред. В. С. Мясников. М. С. 5–32.
- Поливанов, М. К.* 1992. — Очерк биографии Г. Г. Шпета // Лица. Биографический альманах. № 1. С. 7–43.
- Семенова, С. Г.* 2004. — Философ будущего века: Николай Федоров. М.
- Степун, Ф. А.* 2000. — Дух, лицо и стиль русской культуры // Сочинения / Ред. В. К. Кантор. М. С. 583–595.
- Федотов, Г. П.* 1927. — Трагедия интеллигенции // Версты. № 2. С. 145–184 (Псевд. «Е. Богданов»).
- Федотов, Г. П.* 1988. — Мысли по поводу Брестского мира // Лицо России. Статьи 1918–1930. 2-е изд. Paris. С. 12–15.
- Флоровский, Г. В.* 1922. — [Рец.:] Г. Шпет. Философское мировоззрение Герцена. Пг., 1921 // Русская мысль. № 8/12. С. 228–231.
- Флоровский, Г. В.* 1923. — [Рец.:] М. Н. Ершов. Пути развития философии в России. Владивосток, 1922; Г. Шпет. Очерк развития русской философии. Ч. 1. Пг., 1922; Б. Яковенко. Очерки русской философии. Берлин, 1922 // Русская мысль. № 6/8. С. 419–431.
- Флоровский, Г. В.* 1959. — Затруднения историка-христианина // Г. В. Флоровский. Вера и культура. СПб., 2002. С. 671–707 (Оригинал статьи опублик. по-английски в 1959)

- Чижевский, Д.* 1923. — [Рец.:] Г. Шпет. Очерк развития русской философии. Первая часть. Пг., 1922 // Современные записки. Париж. № 18. С. 454–457 (Псевд. «П. Прокофьев»).
- Чубаров, И. М.* 1992. — Шпет в Геттингене // Логос. № 3. С. 243–263.
- Шпет, Г. Г.* 1922. — Очерк развития русской философии. Ч. 1. Пг.
- Щедрина, Т. Г.* 2004. — «Я пишу как эхо другого...»: Очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета. М.
- Янцен, В.* 2007. — Материалы Г. В. Флоровского в базельском архиве Ф. Либа (1928–1954) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2004/2005. М. С. 475–596.